

Молодой Ленинград*65

Ленинградское
отделение
издательства
«Советский
писатель», 1965 г.,
236 стр.

Тираж 15 000 экз.
Цена 78 коп.

Редколлегия:
С. Владимиров,
И. Захорошко,
Л. Ку克林,
Дм. Поляновский
(составитель),
М. Смирнов,

С. Тхоржевский, В. Шефнер
Ответственный редактор В. Кетлинская
Редактор Т. Д. Зубкова

Оформление и иллюстрации: М. Гордон, Н. Васильев, Б. Власов,
А. Скалазубов, Ю. Шабанов, О. Зуева, М. Беломлинский, Г. Ковенчук,
В. Шульга, В. Розенсон

Стихи: Г. Горбовский, Л. Агеев, О. Тарутин, А. Шкляринский,
Н. Данилов, В. Халупович, И. Малярова, И. Сергеева, А. Кушнер,
Е. Кумпан, Г. Угренинов, Я. Гордин, Н. Королева, Л. Гроховский,
А. Городницкий, Г. Глозман, А. Шевелев, В. Грошиков, Н. Карпова,
А. Беркман (двустушия)

Проза: И. Пруссакова, И. Дворкин, М. Глинка, И. Ефимов, И. Штемлер,
Р. Грачев, А. Битов, М. Данини, Я. Длуголенский, Б. Иванов, А. Коробов,
Б. Вахтин, В. Губин, В. Перепелка, В. Марамзин, В. Попов

Критика: И. Кудрова, И. Смирнов, Я. Гордин

АТЛАНТЫ

Когда тревога свяжет
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,

Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.

Их тяжкая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то –
И небо упадет.

Во тьме заплачут вдовы,
Повыгорят поля,
И встанет гриб лиловый,
И кончится Земля.

А небо год от года
Все давит тяжелей,
Дрожит оно от гуда
Ракетных кораблей.

...Стоят они, ребята,
Точеные тела, –
Поставлены когда-то,
А смена не пришла.

Их свет дневной не радует,
Им ночью не до сна.
Их красоту снарядами
Уродует война.

Стоят они, навеки
Уперши лбы в беду,
Не боги – человеки,
Привычные к труду.

И жить еще надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.

Ирэна Сергеева

***

Игра детей
Понятна старикам,
Игра с любовью юношам понятна.
Мне нравятся изменчивые пятна,
Игра лучей
По близким облакам.
И белый блеск
Извилистой реки,
И берегов ярко-зеленых вязкость.
И твердая решительность руки,
И мысли ясность.

Елена Кумпан

***

Ночью, никем не прошенные,
как сны, с четырех сторон
меня обступают лошади.
Их шаг осторожен и тих.
За тонкую стенкой палатки
я чую дыхание их.
Так чувствуют спящих вокруг,
так в темноте угадывают
движенье любимых рук.
Меня окружают лошади,
словно ночной дозор,
шуршат по траве некошенной.
Ладонь протяни и коснись...
Всю ночь до рассвета лошади
нажевывают сны.

Нажевывают, нафыркивают,
натаптывают по траве
и дарят подкову с дыркой.

Валерий Попов

СЛУЧАЙ НА МОЛОЧНОМ ЗАВОДЕ

Два лейтенанта, Петров и Брошкин, шли по территории молочного завода. Все было спокойно. Вдруг грохнул выстрел. Петров взмахнул руками и упал замертво. Брошкин насторожился. Он пошел к телефону-автомату, набрал номер и стал ждать.

– Алло, – закричал он, – алло! Подполковник Майоров? Это я, Брошкин. Срочно вышлите машину на молочный завод.

Брошкин повесил трубку и пошел к директору завода.

– Что это у вас тут... стреляют? – строго спросил он.

– Да это шпион, – с досадой сказал директор. – Третьего дня шли наши рабочие и вдруг видят: сидит он и молоко пьет. Они побежали за ним, а он побежал и в творог залез.

– В какой творог? – удивился Брошкин.

– А у нас на четвертом дворе триста тонн творога лежит. Так он в нем до сих пор и лазает.

– Так, – сказал Брошкин.

Тут подъехала машина, и из нее вышли подполковник Майоров и шесть лейтенантов. Брошкин подошел к подполковнику и четко доложил обстановку.

– Надо брать, – сказал Майоров.

– Как брать, – закричал директор, – а творог?

– Творог вывозить, – сказал Майоров.

– Так ведь тары нет, – сокрушенно сказал директор.

– Тогда будем ждать, – сказал Брошкин, – проголодается – вылезет.

– Он не проголодается, – сказал Майоров. – Он, наверное, творог ест.

– Тогда будем ждать, пока весь съест, – сказал нетерпеливый Брошкин.

– Это будет очень долго, – сказал директор.

– Мы тоже будем есть творог, – улыбаясь, сказал Майоров.

Он построил своих людей и повел их на четвертый двор; там они растянулись шеренгой у творожной горы и стали есть. Вдруг они увидели, что к ним идет группа молодежи в спортивных майках. Это была заводская футбольная команда в полном составе с запасным вратарем. Впереди шел капитан.

– Мы к вам, – сказал он Майорову, – в помощь. Сейчас у нас обеденный перерыв, вот мы и решили...

– Спасибо, – сказал Майоров, и его строгие глаза потеплели.

Дело пошло быстрее. Творожная гора уменьшалась. Когда осталось килограмм двадцать, из творога выскочил человек. Он быстро сбил шестерых футболистов. Потом побежал через двор, ловко увернувшись от наручников, которые лежали на крышке люка. Брошкин побежал за ним. Никто не стрелял. Все боялись попасть в Брошкина. Брошкин не стрелял, боясь попасть в шпиона. Стрелял один шпион. Вот он скрылся в третьем дворе. Брошкин скрылся там же. Через минуту он вышел назад.

– Плохо дело, – сказал Брошкин, – теперь он в масло залез...

Рид Грачев

МАРИЯ

Мария из всех продавщиц самая толстая и старая. Она стоит за прилавком, будто идет. Так поднята голова, так выдвинуты грудь и живот. Она стоит и идет, идет и плывет, – на вид такая гордая, а на самом деле добрая.

Все ушли обедать, одна Мария осталась. В пустынных залах гуляет теплый ветер с улицы. Дверь открыта, но никто не заглядывает – лето, вторая половина дня.

Мария стоит, откинувшись назад, и бутылки на витрине за ее спиной откинули серебряные головы, выпятили зеленые животы.

Напротив, над пестрым прилавком кондитерского отдела, неразборчиво мурлычет радио. Магазинная кошка Светка ступает по цементному полу, потягивается, шаркает лапами.

На площади звякнули трамваи и умолкли. Протрещал мотоцикл, огибая площадь, и затих... Прокатился автобус, стекла подрожали и перестали.

Из служебного хода появляется рабочий Петрович – маленький и тощий. Ему тяжело нести ящик пива. И от этого Петрович скалит зубы. Есть у него во рту несколько корешков.

Мария смотрит на Петровича величественно и добро. Петрович через силу улыбается, вскрикивает животом и лихо ставит ящик на прилавок.

Мария пересчитывает бутылки, шевеля толстыми губами. Петровичу больше нечего делать, и поэтому он смотрит ей в рот. У Марии есть золотой зуб, он взблескивает под губой, и Петрович думает о том, что не худо и ему завести золотые зубы. Или металлические. Или искусственную челюсть.

– Иди, Петрович, обедай, – ласково говорит Мария.

– Дык я уже...

Мария складывает руки на животе, хмурит насмешливо толстые брови и выжидательно разглядывает Петровича.

Петрович отводит глаза. Он хочет попросить пива. И Мария знает об этом. Но раз она сама не дает, он не решается попросить открыто. Он начинает заговаривать зубы:

– «Продавец Ме – Пе Рассказова», – медленно читает он табличку, прибитую сбоку на стене. – Какая у тебя фамилия – Рассказова...

– Какая? Как все...

– И каких только на свете фамилиев нету... Наверное, миллион...

– Кто его знает, – любезно отвечает Мария. – Может, и больше. У меня из слова «рассказ» фамилия получилась...

– Вот в нашей квартире жилец один живет, так тот Сказкин, Фе – Де Сказкин... С портфелем на службу ходит. Большой портфель...

– С портфелем... Он что – профессор?

– Да нет, лектор он. Лекции читает. О вреде пьянства...

– А сам небось заливает что ни вечер...

– Нет, тихий он. И заработки, говорят, не так чтоб уж очень... Вот артисты эти, писатели... те да... Нахлещутся – маме не узнать...

– А вот и врешь, Петрович, – неожиданно энергично возражает Мария. – Писателям пить некогда. Писатели пишут...

– Где там – некогда. А нам когда? Ты бы, Мария...

– Некогда, – твердо говорит Мария. – Я и рассказ читала такой про писателя. Так и называется: «Некогда». Все ему, несчастному, было некогда. Все писал, писал, да так от чахотки и умер...

– С чего ж это он чахотку нажил? – рассеянно спрашивает Петрович.

Петрович стоит, опустив большие руки, а Мария приваливается грудью на ящик, – удобно ей, хорошо, – и продолжает рассказывать, вспоминая поглядывая на потолок.

– Чахотка у него потом началась. Он сначала здоровый был... Все книжку писал... про графиню Аброз... Аб-раз... Амбарскую, что ли. Студент еще был. Совсем молоденький. Талантливый, видать...

Рассказ этот про него я еще у отца нашла, как хоронить его в деревню ездила. Маленькая тогда была, а читать уж умела... Красиво там написано было... как же это... а... «Она посмотрела на него изящными голубыми глазами, и крупные, как алмазы, слезы... выступили»... подожди-ка... «выступили»... не помню уж... Красиво только написано... Это уже потом, когда у него невеста появилась. Вот она все его просила: «Пойдем, Жоржик, погуляем», а он ей: «Некогда мне, милая Фанни». Так они и не

поженились. А хорошая бы из них пара получилась! Оба молодые, образованные... Я, когда за своего вышла, все, помню, ему книжку эту читала. Он у меня все лежал больше, как с войны вернулся... Нерв ему на войне перебило, так вся правая половина как неживая. Прибегу с фабрики, стовлю скоренько поест и читаю... про писателя этого, как он кровью харкал... кашлял да писал, кашлял да писал... Однажды кашлянул в муслиновый платочек, который ему Фанни подарила, а там кровь...

И долгов у него много было. Все из долгов не вылезал. Да и люди тогда были не то что теперь. Богатые в долг не давали, а у бедного и своего нет... Еле-еле насобирал на дорогу и поехал на Кавказ, в Сухуми... Абрикосы там, мандарины... Перед финляндской войной, помню, тоже много мандаринов продавали, завезли откуда-то. Ананасы тоже... Боречка мой только осенью в Электротехнический поступил. Приходит, говорит: «Ты, мамочка, не сердись, не плачь, мамочка, я добровольцем записался...» Я ему тогда мандаринов на дорогу накупила... Да... Вот поехал писатель на Кавказ, стал оттуда Фанни своей письма писать... Дескать, родная моя, горячо любимая Фанни, приезжай меня навестить, потому что, говорит, доживаю последние дни на этой грешной земле... А она ему хоть бы слово в ответ написала... Как мой Боречка. Сначала писал, а потом нет и нет, нет и нет... И ни слуху ни духу, ни в мертвых, ни в живых... Она не едет к нему, не пишет, а он желтый стал с лица, и глаза у него огромные, бездонные такие глаза, печально смотрели на ароматную природу цветущего юга...

А она ему, дрянь этакая, отписала в конце концов, что, бедный мой Жоржик, прощай. Прощай навеки, а я выхожу замуж за другого... А все, говорит, потому, что тебе было некогда... а я молодая, жить хочу... Понятное дело. Кто жить не хочет?

Заплакал этот писатель горькими слезами и судьбу свою проклинал: «Зачем я всю жизнь писал, безо всякого отдыха и развлечения... И вот теперь умираю, бедный, больной, одинокий, и никто не украсит яркими южными цветами мою сиротливую могилку». Так и помер над своим сочинением... И последнюю, самую лучшую книжку писал про несчастную к Фанни любовь...

Я бы и сейчас тот рассказ почитала, да в блокаду на растопку извела... Как вспомню – до сих пор жалко...

А Боречка не любил. Ты, говорит, мама, от любой чепухи слезу пускаешь. Помер, говорит, так ему и надо. Не пиши, значит. А как же ему было не писать, когда он писатель?..

Сильный у меня Боречка был, спортсмен... веселый. Поднимет меня, бывало, одной рукой... Теперь бы не поднял... Я писем ждала, ждала... В позапрошлом году написали. Помер, пишут, ваш сын в Карельской республике от сердечной болезни.

– Вот она жизнь какая... – задумчиво говорит Петрович. – Помер, значит, писатель от сердечной болезни...

– Чем слушал, Петрович, – ласково говорит Мария. – Сын мой, Боречка, от сердечной болезни помер, а писатель – от чахотки. Боречка у меня спортсмен был. Его никакая хворь не брала... А ты, Петрович, что маешься? Горло пересохло, да? Все бы тебе пить... Позавчера не вышел, а мне ящики таскать пришлось. Меня бы пожалел... На вот. Бутылку только принеси назад...

Петрович уходит, пряча бутылку под фартуком. Хлопает дверь.

Со двора долетает истощенный детский крик.

– Борька, Борька-а-а! Борь...

Мотоциклы на площади начинают трещать.

Звенят оба трамвая на кольце и уходят один за другим, гудя.

Мясники, тяжело топоча, вносят куски коровьей туши. Трясутся стекла от автобуса, огибающего дом, и делается темно.

Водители такси гуськом переходят улицу. Наверное, за пивом.

Мария, кряхтя, убирает ящик под прилавок, распрямляется, складывает руки на груди и стоит, откинув голову, и смотрит перед собой влажными глазами.